

Автор туралы мәлімет:

Бекасова Елена Николаевна, филология ғылымдарының докторы, доцент, Орынбор мемлекеттік педагогикалық университетінің орыс тілі мен орыс тілін оқыту әдістемесі кафедрасының профессоры, Советская көшесі, 19 үй, Орынбор, Ресей Федерациясы.

Information about author:

Bekasova Elena Nikolaevna, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Teaching Methods of the Russian Language, Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya, str. 19, Orenburg, Russian Federation.

MPНТИ 16.21.41

DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2021-3-22-27>

М.Э. Дубровина

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
(E-mail: maggydu@rambler.ru)*

Особенности функционирования формы множественного числа -lar в тюркских языках с позиций этнолингвистики

Аннотация. В настоящей статье автор подвергает анализу тюркскую категорию числа. Автора долгое время привлекало особое функционирование аффикса множественности с показателем -lar в текстах различных тюркских языков, начиная с самых древних памятников, написанных рунической письменностью, заканчивая литературными произведениями современных турецких писателей. Это особое функционирование заключается и в специфической семантике форм множественного числа, и в том, насколько реже, по сравнению с западными языками, эти формы употребляются в письменной речи, не говоря уже об устной. Кроме того, в центр исследовательского внимания неоднократно попадала способность основы слова без указанного показателя выражать информацию о множестве предметов, т.е. в тех случаях, где по содержанию речь идет о множестве предметов, показатель множественности -lar не употребляется. Опираясь на лингвистические методы у автора статьи возникла гипотеза о том, что в тюркском языке категория числа как морфологическое средство могла отсутствовать вовсе, а информация о множестве предметов могла передаваться иными, не морфологическими способами. На новом этапе исследования, т.е. привлекая методы этнолингвистического анализа, автор стремится обнаружить связь нечастого употребления форм множественного числа и даже гипотетическое его отсутствие в языке более древнего периода с экстралингвистическими особенностями тюркского менталитета. Это становится возможным, если в основу научного взгляда положить такие факторы, формирующие менталитет, как географическое положение этноса, размеры племенных коллективов и степень сплоченности членов коллектива между собой.

Ключевые слова: этнолингвистика, лингвокультурологические исследования тюркских языков, категория множественности, категория числа в тюркских языках, грамматика тюркских языков, морфология имени существительного.

Введение

В последнее время все больше возрастает интерес ученых-лингвистов к различным аспектам лингвокультурологических исследований. Это обусловлено стремлением народов показать современному миру свою необычность, самобытность, непохожесть на другие

народы, в жестких условиях глобализации доказать миру значимость своей национальной культуры и языка и, естественно, сохранить свою идентичность, осознавая надвигающуюся угрозу ассимиляции и, тем самым, обезличивания. Все чаще сами представители различных национальностей приходят к осознанию того, что собственный язык, обычаи, традиционный уклад жизни, фольклор и национальные песни – это не атрибуты культуры, имеющей отношение лишь к прошлой, ушедшей жизни предков, а обязательные условия сегодняшнего процветания и успешности всего национального сообщества. Уже на реальном опыте люди видят, как с потерей национальной самобытности происходит потеря фундамента всей жизнедеятельности, которая влечет за собой и материальные потери в сфере уменьшения благосостояния и уверенности в будущем. Таким образом, изучение языка не как изолированной системы, а в качестве одной из составляющих компонентов жизни конкретного этноса представляется одним из перспективных направлений лингвистических научных изысканий.

Анализ

Этнолингвистические исследования в основном проводятся на лексическом материале языка. Тем не менее, морфологическая подсистема языка, как и его лексика, также может стать базой для обнаружения связи языка с особенностями жизнедеятельности, менталитета и мировосприятия определённого народа. Определённые этнические особенности находят свое отражение в специфике языковой системы. Эти особенности могут выступить в качестве внешнего запроса на возникновение той или иной языковой единицы или той или иной категории, как в сфере лексики, так и в сфере грамматики. Как часто, сравнивая языки, исследователи убеждаются в том, насколько по-разному может быть выражен один и тот же смысл. При этом различие проявляется не только в лексике, но и в морфологии. Нередко ученые задаются вопросом, почему одна и та же мыслительная категория в одном языке получает языковое, морфологическое выражение, а в другом языке – нет. В этом отношении интересной темой для этнолингвистического анализа может выступить категория числа в тюркских языках.

Употребление форм множественного числа в современном турецком языке всегда вызывает некоторые сложности у носителей иных, не тюркских языков. Сами говорящие на турецком языке отмечают, что когда иностранцы, в особенности русскоязычные люди, говорят по-турецки, то они употребляют формы множественного числа в разы чаще, чем это делали бы сами турки.

Категория количества представляет собой одну из основных мыслительных категорий [1, с. 263] и имеет свое проявление во всех языках мира. Поэтому, на наш взгляд, именно в этой теме можно попытаться найти параллели между языком и культурой данного народа и попытаться описать те особенности восприятия мира тюрками, которые легли в основу образования категории числа. На наш взгляд, именно употребление или неупотребление аффикса множественного числа в тюркских письменных и устных текстах может быть напрямую связано с внеязыковыми представлениями, с какими-то особенностями мировосприятия или с определенной практической деятельностью.

Но в этом отношении древние языки могут стать более показательными, чем языки современные, так как в структуре древних тюркских языков, по нашему мнению, в большей мере зафиксирован окружающий древние этнические группы исторический контекст, который и мог найти свое отражение в тех или иных языковых формах.

Форма множественного числа с показателем *-lar* фиксируется уже в первых, относящихся к VII-VIII вв. тюркских памятниках, написанных руническим письмом. Рассмотрим примеры употребления слов с аффиксом *-lar* в рунических текстах:

1. Ol sabyg asidip **bäglär** korun janalym... tidi. (Tk, 36). *‘Услышав такие слова: «беки давайте вернемся», – он сказал’*. Возможна и несколько иная интерпретация этого высказывания: *‘Услышав такие слова, все беки вместе сказали: «давайте вернемся»’*.

2. ... **bägläri** boduny tüzsiz üçün... (Ktb, 6). '... по причине неверности их **беков** и народа...'

3. ...ögim katun ulaju **öglärim äkälärim** keliñünim **kunçujlarym** ... küñ boltaçy ärti. (Ktb, 49). '... моя мать-катун, следующие [за ней] мои [сводные] **матери**, мои **старшие сестры**, мои невестки, мои **ханши-девицы** ... стали бы рабынями.'

Необходимо обратить внимание на то, что в текстах рунических памятников слова с аффиксом *-lar* употребляются крайне редко. Кроме того, аффикс *-lar* прежде всего сочетается со словами, обозначающими, во-первых, одушевленные предметы, т.е. людей; во-вторых, не простых людей, а тех, кто представляет собой важные с точки зрения носителя языка персоны: государственных деятелей и родственников.

Рассмотрим теперь те высказывания, в которых, на наш взгляд, речь также идет о множестве предметов, однако при этом соответствующий аффикс множественности не употреблен.

5. **Atyg(1) yka(2)** bajur ärtimiz. (Tk, 27). 'Мы привязали лошадей(1) к деревьям(2)'.
6. **Kejik(1) jiju, tabyşgan(2)** jiju olurur ärtimiz. (Tk, 7). 'Мы жили, поедая оленей(1), поедая зайцев(2)'.
7. ... türk bodun üläsikig anta **añyg kisi** ança boşgurur ärmis. (Ktm, 7). 'Тогда злые люди так наставляли часть тюркского народа'.

С большой долей вероятности можно предположить, что в большинстве современных тюркских языков в этих или аналогичных высказываниях у соответствующих слов аффикс множественности также не будет употреблен. Тем не менее, как видно из переводов на русский язык, носители европейских или славянских языков в таких случаях используют форму множественного числа.

Можно отметить такую закономерность, что чем древнее тюркский язык, тем реже в текстах можно встретить аффикс множественного числа. В связи с чем вполне обоснованным выглядит предположение Каре Грэнбека, согласно которому «самый древний тюркский язык» мог не обладать никакими формами множественности [2, с. 23]. Не раз ученые обращали внимание на то, что основа тюркского слова сама по себе либо не передает информации о числе вообще, либо способна выражать как единичность, так и множественность предметов: *kışi* 'человек', 'люди'. По мнению А. фон Габен, даже местоимение *bän* наряду со значением 'я' иногда может истолковываться как 'мы' [3, с. 147]. Таким образом, можно констатировать, что в тюркском языке могло не быть специального показателя для выражения множества предметов. Это не означало, что тюрки не различали количество предметов, однако ответ, бесспорно, следует искать за пределами языка. Отсутствие у древних тюрков потребности в грамматическом указании на количество предметов, на наш взгляд, лежит в укладе жизни древнего тюркского племени. Решающими здесь следует признать несколько факторов: размер древнего коллектива, степень спаянности членов коллектива между собой, вид хозяйственной деятельности и окружающий географический ландшафт.

Проведенный анализ культурной лексики тюркских языков дал возможность ученым реконструировать картину духовной и материальной жизни пратюрков, вследствие чего удалось установить то, что пратюркский этнос представлял собой народ скотоводов отгонного типа, с преобладающим значением коневодства, с двумя типами поселений – стационарными зимними и кочевыми летними [4, с. 470-471].

Лингвистический анализ полностью согласуется с данными, которые предлагают исторические и археологические исследования. В начале I тыс. до н.э. на большой территории Центральной Азии племена, в которые входили, и представители тюркских этносов создали культуру, основой хозяйственной деятельности которых было кочевое и полукочевое скотоводство, сочетавшееся с примитивным земледелием и охотой. Вот такое описание образа жизни родоплеменного общества ранних кочевников, населявших Центральную Азию с VII – VI вв. до н. э. находят в китайских источниках: «...переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку... От ста до тысячи юрт составляют общину...» [5, с. 50].

Лингвистический анализ полностью согласуется с данными, которые предлагают исторические и археологические исследования. В начале I тыс. до н.э. на большой территории Центральной Азии племена, в которые входили, и представители тюркских этносов создали культуру, основой хозяйственной деятельности которых было кочевое и полукочевое скотоводство, сочетавшееся с примитивным земледелием и охотой. Вот такое описание образа жизни родоплеменного общества ранних кочевников, населявших Центральную Азию с VII – VI вв. до н. э. находят в китайских источниках: «...переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку... От ста до тысячи юрт составляют общину...» [5, с. 50].

Лингвистический анализ полностью согласуется с данными, которые предлагают исторические и археологические исследования. В начале I тыс. до н.э. на большой территории Центральной Азии племена, в которые входили, и представители тюркских этносов создали культуру, основой хозяйственной деятельности которых было кочевое и полукочевое скотоводство, сочетавшееся с примитивным земледелием и охотой. Вот такое описание образа жизни родоплеменного общества ранних кочевников, населявших Центральную Азию с VII – VI вв. до н. э. находят в китайских источниках: «...переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку... От ста до тысячи юрт составляют общину...» [5, с. 50].

Как видно из описаний китайского историка, размер древнего тюркского племени был относительно небольшим, племя могло насчитывать «от ста до тысячи юрт». Если предполагать, что тысяча юрт — это максимум, который достигался в период объединения разных племен в племенной союз (иль), которое могло происходить периодически, то в среднем самое небольшое племя состояло из 500 человек (по пять человек в семье в одной юрте). Сезонное кочевье предполагало, что в отдельные периоды времени племя разбивалось на мелкие группы, кочующие отдельно друг от друга. Таким образом, и в периоды объединения, и в периоды отхода на отдельные пастбища кочевое общество по своим размерам было относительно невелико, кроме того, в рамках такого племени естественно предполагать, что его члены были достаточно хорошо знакомы друг с другом и, тем самым, достаточно хорошо осведомлены о жизни друг друга. По мнению Г.П. Мельникова, [6] в условиях описанной жизни большая часть информации проходит на глазах всего коллектива или отдельных представителей семьи (родственников, близких людей), многое известно всем членам коллектива и вследствие этого не требует передачи с помощью вербальных каналов. Именно к такой информации, на наш взгляд, можно отнести информацию о количестве предметов.

Ученые предполагают, что зоной первичного расселения древних тюрков были территории Ордоса и Саяно-Алтайского региона [4, с. 435]. С ландшафтной точки зрения эти места представляют из себя по большей части пустынное плато, т.е. равнинную зону с ровной или волнистой слабо разделённой поверхностью, ограниченной отчётливыми уступами от соседних равнинных пространств, характеризующейся особой слабо выраженной флорой и специфической фауной. В таких условиях окружающая природа и ландшафт были словно на ладони, «на глазах» у коммуникантов. Говорящим людям было видно количество деревьев, гор, юрт, скота, т.е. всего того, что составляло основу повседневной жизни. При этом, можно предположить, говорящие чаще всего видели те предметы, о которых шла речь.

Выводы

Таким образом, в языке, обслуживающем коммуникативное общество, проживающее в описанных природных и хозяйственных условиях, не возникало потребности в возникновении специального грамматического средства – маркера количественной информации. Всю количественную информацию, т.е. информацию о единичности и множестве предметов, коммуниканты выводили из визуальных данных, фоновых знаний, а также полагаясь на естественную логику вещей. Тем не менее, при необходимости указать на конкретное количество предметов в языке образовались модели словосочетаний, в которых участвовали числительные. До сих пор во всех тюркских языках с числительными сочетаются существительные без аффикса множественного числа.

В более позднее время возникает форма множественного числа, однако факторами для ее возникновения могли служить иные причины, нежели, чем просто желание указать на множественность предметов.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
2. Grönbech K. Der türkische Sprachbau. – Kopenhagen: Levin und Munksgaard, 1936. – 182 s.
3. A. von Gabain. Alttürkische Grammatik. – Leipzig: Otto Harrassowitz, 1950. XVII. – 357 s.
4. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – Москва: Наука, 2006. – 908 с.
5. Кляшторный С.Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. – 320 с.
6. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. – Москва: Наука, 2003. – 395 с.

Reference

1. Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' [Philosophical encyclopedia]. Moscow, Soviet encyclopedia, 1983. 840 p. [in Russian].
2. Grönbech K. Der türkische Sprachbau. Kopenhagen, Levin und Munksgaard, 1936. 182 p.
3. A. von Gabain. Alttürkische Grammatik. Leipzig, Otto Harrassowitz, 1950. XVII. 357 p.
4. Sravnitel'no-istoricheskaiia grammatika tiurkskikh iazykov. Pratiurkskii iazyk-osnova. Kartina mira pratiurkskogo etnosa po dannym iazyka. [Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Proto-Turkic language-based. Picture of the world of the Proto-Turkic ethnos according to the language]. Moscow, Nauka, 2006. 908 p. [in Russian].
5. Kliashturnyi S.G., Sultanov T. I. Gosudarstva i narody Evraziiskikh stepei. Drevnost' i srednevekov'e. [States and peoples of the Eurasian steppes. Antiquity and the middle Ages]. Saint Petersburg, St. Petersburg Oriental studies, 2000. 320 p. [in Russian].
6. Melnikov G.P. Sistemnaia tipologiiia iazykov: Printsipy, metody, modeli [System typology of languages: Principles, methods, models]. Moscow, Nauka, 2003. 395 p. [in Russian].

М.Э. Дубровина

*Санкт-Петербург мемлекеттік университеті, Санкт-Петербург, Ресей Федерациясы
(E-mail: maggydu@rambler.ru)*

Түркі тілдеріндегі көптік *-lar* формасының этнолингвистикалық тұрғыдағы қызметінің ерекшеліктері

Аннотация. Мақалада автор түркі тілдеріндегі сан-мөлшер категориясын талдайды. Автор руна жазуындағы ең көне ескерткіштерден бастап қазіргі түрік жазушыларының әдеби шығармаларына дейінгі әртүрлі түркі тілдері мәтіндеріндегі *-lar* түріндегі көптік жалғауының айрықша қызметіне автор көп уақыттан бері қызығушылығын танытып келеді. Бұл ерекше функция көптік жалғау формаларының өзіндік семантикасынан да, батыс тілдерімен салыстырғанда бұл формалардың, ауызшаны айтпағанда, жазбаша сөзде қаншалықты сирек қолданылатындығынан да көрінеді. Сондай-ақ зерттеушілер сөз түбірінің айтылған қосымшасыз-ақ, яғни *-lar* көптік жалғауын пайдаланбаған жағдайларда да мазмұн тұрғысынан заттардың көптігін білдіре алатындығына талай рет назар аударды. Мақала авторы лингвистикалық әдістерге сүйене отырып, түркі түптілінде сан-мөлшер категориясы морфологиялық құрал ретінде мүлде болмауы мүмкін, ал заттардың көптігі туралы ақпарат басқа, морфологиялық емес тәсілдер арқылы берілуі ықтимал деген гипотезаны ұсынды. Зерттеудің жаңа кезеңінде этнолингвистикалық талдау әдістеріне сүйенген автор көптік жалғау формаларының сирек қолданылысы мен тіпті оның ескі замандағы тілде мүлде болмауы жөніндегі жорамалын түркі менталитетінің экстралингвистикалық ерекшеліктерімен байланыстыруға тырысады. Егер этностың географиялық жағдайы, тайпалық ұжымдардың ауқымы мен ұжым мүшелерінің өзара тығыз бірлігі сияқты менталитет қалыптастыратын факторларды ғылыми көзқарастың негізі етіп алса, онда мұны жүзеге асыруға болады.

Кілт сөздер: этнолингвистика, түркі тілдерін лингвомәдениеттанулық тұрғыдан зерттеу, көптік категориясы, түркі тілдеріндегі сан-мөлшер категориясы, түркі тілдерінің грамматикасы, зат есім морфологиясы.

M.E. Dubrovina

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

(E-mail: maggydu@rambler.ru)

Features of the functioning of the plural form *-lar* in the Turkic languages from the standpoint of ethnolinguistics

Abstract. In this article, the author analyzes the Turkic category of numbers. The author has long been attracted by the special functioning of the plurality affix with the indicator *-lar* in the texts of various Turkic languages, starting with the most ancient monuments written in runic script, ending with the literary works of modern Turkish writers. This special functioning lies in the specific semantics of plural forms, and in how less frequently, compared to Western languages, these forms are used in written speech, not to mention oral. In addition, the ability of the basis of the word to express information about a variety of subjects without the specified indicator has repeatedly fallen into the center of research attention, i.e. in cases where the content is about a variety of subjects, the multiplicity indicator *-lar* is not used. Based on linguistic methods, the author of the article hypothesized that in the Turkic proto-language the category of number as a morphological means could be absent at all, and information about a variety of objects could be transmitted in other, non-morphological ways. At a new stage of the study, it means using the methods of ethnolinguistic analysis, the author seeks to find a connection between the infrequent use of plural forms and even its hypothetical absence in the language of an older period with the extralinguistic features of the Turkic mentality. This becomes possible if the scientific view is based on such factors that form the mentality as the geographical location of an ethnic group, the size of tribal collectives and the degree of cohesion of the collective members among themselves.

Keywords: ethnolinguistics, linguistic and cultural studies of the Turkic languages, plurality category, number category in the Turkic languages, grammar of the Turkic languages, morphology of the noun.

Сведения об авторе:

Дубровина Маргарита Эмильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, 11, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Автор туралы мәлімет:

Дубровина Маргарита Эмильевна, филология ғылымдарының кандидаты, Санкт-Петербург мемлекеттік университетінің түркі филологиясы кафедрасының доценті, Университеттік жағалау, 11, Санкт-Петербург, Ресей Федерациясы.

Information about author:

Dubrovina Margarita Emilyevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Turkic Philology, St. Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 11, St. Petersburg, Russian Federation.